

Закариус Лютый

Слышу тебя
насквозь

Закариус Лютый

Слышу тебя насквозь

<https://litres.ru/74277577>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жанр: Современный любовный роман с элементами магического реализма / Драма

Главные герои:

Агния (30 лет, 2026 год) — ведущая ночной радиопрограммы «Голоса после полуночи». Пережила предательский развод, эмоционально истощена, живёт на автопилоте, не верит в любовь.

Даниэль (32 года, 2021 год) — архитектор-реставратор. Переживает кризис: его проект разрушают, он борется с одиночеством и ищет смысл. Остроумен, чуток, с сильным воображением и страстной натурой.

Механика связи:

Старый радиоприёмник в студии Агнии, настроенный на списанную частоту 104.2 FM, и аналоговая радиостанция Даниэля в его мансарде. Временной разрыв — ровно пять лет.

Содержание

АКТ I. Помехи на линии (Главы 1–4)	4
Глава 1. Пустые студии	4
Глава 2. Параллельные жизни	10
Глава 3. Аномалия в датах	19
Глава 4. Первое притяжение	25
АКТ II. Анатомия невидимой страсти (Главы 5–8)	31
Глава 5. Свидания сквозь время	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Слышу тебя насквозь

АКТ I. Помехи на линии (Главы 1–4)

Глава 1. Пустые студии

Ночной город за стеклом студии казался утонувшим в жидком густом сиропе из дождя и неоновых огней.

Агния посмотрела на электронные часы на стене: 01:48.

До конца ее четырехчасовой смены оставалось двенадцать минут. Двенадцать минут тишины, разбавленной легким гулом студийного оборудования и размеренным шуршанием капель по панорамному окну тринадцатого этажа.

— Ну что, Агния, сворачиваемся? — Голос звукорежиссера Кости в наушниках прозвучал глухо, с легким треском. — Погода — дрянь, пробки даже в два ночи. Если выедем сейчас, успеем проскочить до перекрытия моста.

— Заканчивай, Кость, — Агния тихо вздохнула, подвинув к себе микрофон на гибком кронштейне. — Дай мне тридцать секунд на прощание.

Она щелкнула тумблером, опустила ползунок фонового трека — мягкого, безликого лоу-фая — и сделала спокой-

ный, глубокий вдох. Этот вдох был ее профессиональным ритуалом, защитной маской, которую она надевала каждый раз перед тем, как заговорить с тысячами чужих людей.

— Это были «Голоса после полуночи» и я, Агния Рихтер, — произнесла она. Ее голос — низкий, бархатистый, с мягким грудным тоном — на радиостанции называли «бархатным капканом». Он успокаивал. Он убаюкивал. Он создавал иллюзию, будто Агния сидит на соседнем диване в темной комнате и говорит лично с тобой. — Спасибо всем, кто делил эту ночь со мной. Тем, кто за рулем на темных трассах. Тем, кто не может заснуть от мыслей. И тем, кто просто искал чей-то голос в тишине. Берегите себя. И помните: после самой длинной ночи всегда наступает рассвет. Услышимся завтра на частоте 104.2 FM.

Она плавно увела ползунок вниз, выключила микрофон и сняла тяжелые наушники.

В студии мгновенно воцарилась оглушающая, тяжелая тишина.

Агния несколько секунд сидела неподвижно, глядя на свое отражение в темном стекле. На нее смотрела тридцатилетняя женщина с бледной кожей, темными кругами под глазами и собранными в небрежный узел темно-каштановыми волосами. Какая ирония. Каждую ночь она говорила слушателям про рассвет, хотя сама уже больше года жила в бесконечных сумерках.

Развод с Вадимом не просто разрушил ее брак — он акку-

ратно, хирургически точно вырезал из нее способность верить людям и чувствовать хоть что-то, кроме тупой, ровной усталости. Вадим ушел к ее бывшей подруге, забрал их общую квартиру, но самым страшным было не это. Самым страшным было чувство, что Агния стала невидимкой. Для мира, для друзей, для самой себя.

— Отличный эфир, Агн, — Костя заглянул в студию, накидывая на ходу куртку. — Ты как? Довезти тебя?

— Нет, спасибо, Кость. Я на такси. Хочу еще пару минут побыть здесь.

— Ладно. Только не забудь закрыть главную дверь, ключи у охранника. До завтра!

Шлепанье его кроссовок по коридору быстро утихло. Захлопнулась тяжелая сейфовая дверь. Агния осталась в помещении абсолютно одна.

Она встала, потянулась, чувствуя, как затекли плечи, и прошла в угол студии, где на стеллаже стоял раритет — старый, массивный радиоприемник в корпусе из полированного орехового дерева. Это был советский «ВЭФ» пятидесятилетней давности, подаренный радиостанции кем-то из ветеранов эфира. Он давно не работал, провод питания был аккуратно обрезан, но аппарат держали как винтажный декор.

Агния провела пальцами по его латунной ручке настройки, смахивая невидимую пыль.

«Искал чей-то голос в тишине...» — мысленно повторила она собственную фразу из эфира и горько ухмыльнулась.

Какая фальшь. Люди не ищут голоса. Люди ищут подтверждения, что они не одни со своей болью.

Она случайно задела круглое колесико настройки. Ручка поддавалась с мягким, приятным сопротивлением. Агния крутанула ее наугад. Стрелка шкалы сместилась с цифры 90 на отметку 104.2.

И в ту же секунду из выключенного, обесточенного деревянного ящика раздалось четкое, громкое:

— ...пши-и-и-и...

Агния вздрогнула и отдернула руку, будто от горячего утюга.

Шум статики был негромким, но абсолютно реальным. Он шел из глубоких динамиков приемника, обтянутых выцветшей тканью.

— Что за... — шепнула она, оглядываясь.

Может, Костя оставил включенным комбик? Или это наводка от мощных передатчиков на крыше? Но приемник не был подключен к сети. Обрубок провода болтался сзади, не касаясь розетки.

Шум статики сменился мягким щелчком. И сквозь сухой треск помех вырвался живой, глубокий мужской голос.

— Есть кто-нибудь на 104.2?.. Черт, да тут только помехи. Эй, ночной город, вы меня слышите?

Голос прозвучал удивительно близко. В нем не было профессиональной «радийной» поставки, но присутствовала странная, бархатная фактура — чуть хриповатая, живая,

с едва уловимой усталой насмешкой.

Агния замерла, не смея дышать. Сердце, молчавшее столько месяцев, вдруг сделало резкий, болезненный толчок в грудную клетку.

— Ладно, — продолжал голос сквозь шорох эфира. — Судя по молчанию, я снова разговариваю с собственным чаем. Если кто-то все-таки слышит эту списанную частоту... с наступающим вас летом. И пусть дождь хотя бы к утру закончится.

Щелчок. И приемник снова погрузился в мертвую, непроливаемую тишину.

Агния стояла посреди полутемной студии, глядя на застывшую стрелку, указывающую на 104.2.

Настенные электронные часы бесшумно переключились на 02:00.

На улице шел дождь. Но за окном стоял не июль и не лето. Шел холодный, промозглый ноябрь.

Несколько секунд она просто стояла, перебирая в голове рациональные объяснения. Розыгрыш Кости — глупо, он не способен на такую сложную техническую шутку. Наводка от другой станции — но частота списана, на ней никто не вещает. Старая запись, застрявшая в приемнике? Но голос звучал слишком живо, слишком сиюминутно, с дыханием, с паузами, с этой теплой усмешкой про чай. Записи так не звучат.

Агния потянулась к приемнику и осторожно коснулась ладонью его деревянного бока. Теплый. Не нагретый, но и не

ледяной — словно внутри еще дрожал какой-то отголосок жизни. Или ей просто хотелось в это верить.

Она заставила себя выдохнуть. Убрала руку. Одернула край свитера и, бросив последний взгляд на мертвую шкалу, вышла из студии.

Спускаясь в лифте, она смотрела на свое отражение в зеркальных дверях и молчала. Глаза казались чужими. Испуганными. И одновременно — живыми, будто их коснулось что-то давно забытое.

«Никому не скажу», — решила она прежде, чем двери лифта открылись на первом этаже. — «Завтра проверю еще раз. Просто чтобы убедиться, что мне не показалось».

Но где-то глубоко внутри она уже знала: ей не показалось.

В ту ночь она впервые за долгое время заснула не от изнеможения, а в ожидании. В ожидании завтрашней ночи и голоса, который пообещал, что дождь закончится.

Конец первой главы.

Глава 2. Параллельные жизни

Июль 2021 года. Ночь.

Пространство под самой крышей старого доходного дома на Покровке пахло канифолью, древесной стружкой, остывшим эрл-греем и застарелым дождём. Дождь кончился час назад, но запах остался — он въелся в деревянные балки перекрытий, в старые книги на стеллажах, в саму ткань этой мансарды, которую Даниэль называл домом вот уже шесть лет.

Он лежал на спине прямо на потёртом персидском ковре, закинув ноги на край массивного дубового стола. На нём была мятая льняная рубашка с засученными рукавами и джинсы, испачканные белой штукатуркой. В левой руке он лениво держал карандаш 2В, вращая его между пальцами, а правой подпирал затылок. Над ним, под самым потолком, тихо вращались лопасти старого вентилятора — он не столько охлаждал, сколько месил густой июльский воздух, перемешивая запахи в одно плотное, душное марево.

Завтра — точнее, уже сегодня утром — ему предстоял адский день. Комиссия по наследию должна была либо утвердить его проект спасения старой оранжереи в усадьбе Куракиных, либо отдать территорию под очередной стеклянный бизнес-центр. Его партнёр по архитектурному бюро, Славский, уже неделю намекал, что пора «смириться и забрать

откат». Славский вообще любил это слово — «смириться». Смириться с бюджетом, смириться с заказчиком, смириться с тем, что они больше не творцы, а просто оформляющие бумажки функционеры.

Даниэль смиряться не умел. И от этого уставал ещё больше.

Он перевёл взгляд на стол. Среди чертежей реставрационного проекта, эскизов, чашек с засохшими следами чая и обрезков кальки стоял его предмет особой гордости — самодельный радиопередатчик. Даниэль собрал его два года назад из старой армейской радиостанции Р-105, латунных тумблеров и узлов от сломанного магнитофона. Грубый металлический корпус, стеклянные индикаторы, ручки настройки с приятным механическим сопротивлением — никакой цифры, никаких микросхем. Чистый аналог.

На краю стола, придавленная стеклянным пресс-папье, стояла фотография в деревянной рамке — они с Лёвой, младшим братом, на прошлогодней стройке в Коломне. Оба в касках, оба чумазные, оба счастливые. Лёве там девятнадцать, он только окончил первый курс архитектурного и смотрит на старшего брата с щенячьим обожанием. Даниэль хранил этот снимок как талисман.

Это было его странным, но спасительным хобби. Когда архитектурные расчёты начинали выжигать мозг, когда одиночество в четырёхметровых потолках мансарды становилось слишком густым — он уходил в радиоэфир. Крутил валкод,

слушал, как между станциями дышит сам эфир: трещит далёкая молния над заливом, морзянкой перестукиваются суда, радиолюбители из других городов обсуждают антенны и погоду. В этом была какая-то первобытная романтика. Настоящая, не цифровая.

Даниэль вздохнул, опустил ноги на пол и сел. Взглянул на часы: 01:52.

Спать не хотелось. Думать о завтрашней комиссии — тем более.

Он потянулся к радиостанции, щёлкнул тумблером питания. Зелёный глаз индикаторной лампы мягко загорелся, залил часть стола изумрудным светом. Даниэль надел массивные винтажные наушники с кожаными амбушюрами, подвинул к себе стационарный микрофон в тяжёлом металлическом корпусе и крутанул колесо настройки на привычную свободную частоту — 104.2 FM.

На этой частоте давно ничего не вещало. Она была его личной «тихой гаванью». Иногда он выходил сюда просто чтобы услышать шум статики — белый, ровный, как дыхание спящего мира.

Даниэль зажал клавишу передачи.

— Есть кто-нибудь на 104.2?.. Чёрт, да тут только помехи. Эй, ночной город, вы меня слышите?

Ответа не последовало. Лишь ровное шипение космического фона. Он криво ухмыльнулся собственному отражению в тёмном стекле мансардного окна и снова зажал кла-

вишу:

— Ладно. Судя по молчанию, я снова разговариваю с собственным чаем. Если кто-то всё-таки слышит эту списанную частоту — с наступающим вас летом. И пусть дождь хотя бы к утру закончится.

Он отпустил клавишу и откинулся на спинку кресла.

И в этот момент в наушниках что-то изменилось.

Это не было обычным треском. Шум эфира на долю секунды сжался, плотность звука изменилась — так бывает, когда на той стороне открывают входной канал микрофона. А затем — резкий, тихий, испуганный женский вдох. Настолько близкий, что Даниэль вздрогнул.

Он замер. Прислушался.

Ничего. Только статика.

— Эй? — позвал он, снова зажимая клавишу. — Там кто-то есть?

Тишина. Долгая, глубокая, как задержанное дыхание.

Он прождал ещё минуту, но эфир молчал. Лишь ровный белый шум и редкие щелчки атмосферных помех. Даниэль стянул наушники, потёр переносицу и выключил передатчик. Показалось. Заработался. Бывает.

Но странное чувство не отпускало — лёгкое покалывание в кончиках пальцев, словно он только что коснулся чего-то важного и не узнал этого.

Он поднялся с кресла, выключил верхний свет и, не раздеваясь, рухнул на старый диван у стены. Вентилятор под

потолком продолжал своё монотонное гудение. За открытым окном стрекотали цикады.

«С наступающим летом», — повторил он мысленно собственную фразу и сам себе усмехнулся. Лето давно наступило. Он просто устал и заговаривается.

Даниэль закрыл глаза.

Следующая ночь, 01:55.

Он почти не спал. Комиссия прошла именно так, как он и боялся: Славский за его спиной согласовал компромиссный вариант с застройщиком, и теперь от оригинального проекта осталась едва ли треть. Даниэль проорался в телефон, швырнул карандаш в стену, выпил две чашки остывшего чая и к полуночи снова оказался у передатчика. Руки сами потянулись к тумблерам.

На этот раз он не стал разглагольствовать в пустоту. Просто включил частоту, надел наушники и несколько минут сидел молча, слушая ровный шум эфира.

А потом зажал клавишу.

— 104.2, приём. Если вчера мне не показалось и там кто-то дышал в микрофон — знайте, я не кусаюсь. И мне до чёртиков нужен кто-то, с кем можно поговорить.

Он отпустил клавишу, готовясь снова услышать пустоту. Но вместо неё раздался голос.

— Я вас слышу.

Даниэль выпрямился в кресле так резко, что наушники едва не слетели с головы. Голос был именно таким, каким

он его запомнил: низкий, бархатистый, с лёгкой хрипотцой — будто женщина только что проснулась или, наоборот, не спала всю ночь.

— Ничего себе, — выдохнул он, чувствуя, как мгновенно пересохло во рту. — Вы настоящая.

— Вроде того, — в голосе мелькнула тень усмешки. — А вы?

Даниэль невольно улыбнулся.

— Я уже сам не уверен. Пятая ночь на этой частоте, и до вчерашнего дня были только помехи.

— Частота списана, — сказала она. — Здесь вообще не должно быть сигнала. Как вы на неё попали?

— Случайно. Крутил ручку старого транзистора, искал хоть что-то. И наткнулся. Но это неважно. Важно, что вы ответили.

Он замолчал, и в паузе услышал её дыхание — ровное, чуть напряжённое, но живое. Настоящее.

— Э-э... приём? — он снова зажал клавишу. — Я думал, эта частота пуста. Вы кто? Какая-то пиратская станция?

Тишина в ответ длилась секунды четыре.

— Кто вы такой? — спросила она, и в голосе прорезалась скрытая паника, которую она изо всех сил пыталась удержать под профессиональным тоном. — Как вы подключились к этому приёмнику? Костя? Это ты дурачишься через Wi-Fi модуль?

Даниэль хмыкнул, опираясь локтями о стол.

— Какой ещё Костя? И при чём тут Wi-Fi? У меня тут армейский транзистор Р-105 и самодельный передатчик на пять ватт. Я ни к чему не подключался — просто вещаю в открытый эфир. А вот вы кто? У вас... невероятно красивый голос. Вы диктор?

Снова пауза.

— Вы... вы правда говорите со мной? — выдохнула она, и в этом выдохе было столько обнажённой, почти детской растерянности, что у Даниэля по спине пробежал лёгкий холодок. — Это невозможно. Этот приёмник обесточен. Провод перерезан.

— Слушайте, девушка, я не знаю, про какой перерезанный провод вы говорите, — Даниэль мягко улыбнулся в темноту. — Но вы меня слышите, а я слышу вас. И, поверьте, ваш голос — это лучшее, что случалось с этой частотой за последние пару лет. Как вас зовут?

Короткое колебание.

— Агния.

— Агния... — повторил он медленно, пробуя имя на вкус. Огненное. Редкое. Оно звучало почти магически на фоне жёлтого света индикаторной лампы и ночного стрекота цикад за окном. — А я Даниэль. И если это чей-то розыгрыш, то передайте вашему сценаристу, что у него отличный вкус на женские голоса.

— Даниэль... — шепнула она на той стороне.

И от того, как его имя прозвучало в её исполнении — с

мягким нажимом на «эль», с какой-то затаённой дрожью — внутри у него неожиданно сладко и больно потянуло под рёбрами.

Он закрыл глаза.

На мгновение картинка его пыльной мансарды размылась. В воображении с невероятной отчётливостью возник силуэт: тёмная комната, незнакомка у радиоприёмника, тонкая шея, с которой спадает прядь волос, и эти губы, произносящие его имя у самого микрофона. Он почти физически почувствовал, как этот бархатный голос касается его кожи — тепло, почти как поцелуй.

Чёрт. Что со мной? Я же даже не знаю, как она выглядит.

— Даниэль, — снова заговорила Агния, и её голос стал жёстче, отрезвляя его. — Какое сегодня число?

Он нахмурился, открывая глаза. Вопрос прозвучал странно — не так, как спрашивают забытую дату. Скорее как вопрос, от ответа на который зависит что-то очень важное.

— Пятое июля, — сказал он осторожно. — А что?

В наушниках раздалось что-то похожее на судорожный вдох. А затем — тишина, густая и напряжённая, как воздух перед грозой.

— Агния? — позвал он. — Что случилось?

И тогда она ответила — медленно, будто каждое слово давалось ей с трудом:

— Пятое июля две тысячи двадцать первого года? Вы это хотите сказать?

Даниэль перевёл взгляд на календарь, висевший над столом. Чёрные цифры на белом квадрате: 5 июля 2021.

— Именно это я и хочу сказать. А что — у вас другое число?

Пауза. Долгая. А затем её голос — тихий, звенящий от напряжения:

— Даниэль... у меня пятнадцатое ноября. Две тысячи двадцать шестого года.

Рука Даниэля, лежавшая на корпусе передатчика, дрогнула. Он посмотрел на термометр за окном. +28°C. Потом — на вентилятор под потолком, всё так же месивший душный июльский воздух. Потом — снова на календарь.

Что-то не складывалось. Что-то огромное и невозможное только что вторглось в их разговор.

— Агния, — произнёс он медленно. — Давайте проверим.

Конец второй главы.

Глава 3. Аномалия в датах

Первые десять секунд после слов «две тысячи двадцать шестого» эфир казался мёртвым. Настолько мёртвым, что Даниэль на мгновение решил: канал оборвался, микрофон сгорел, а сам он просто переутомился и видит очень реалистичный сон.

Он медленно снял наушники и положил их на чертёж.

В мансарде стояла душная, июльская тишина. С улицы доносился стрекот цикад и редкий гул проезжающих по Покровке машин. Даниэль подошёл к открытому окну, втянул носом сухой, нагретый за день воздух и посмотрел на свои руки. Пальцы слегка дрожали.

«Пять лет. Она сказала, что сейчас пятнадцатое ноября две тысячи двадцать шестого года».

Он нервно усмехнулся, провёл ладонью по лицу и вернулся к столу. Надел наушники, зажал клавишу микрофона.

— Агния? Вы ещё там?

— Я здесь, — её голос отозвался мгновенно. Он звучал глухо, сдавленно, словно она говорила, спрятав лицо в ладонях. — Даниэль... это ведь глупая шутка, правда? Скажите, что вы сидите в соседней студии. Что это какой-то социальный эксперимент для нового шоу. Пожалуйста.

В её голосе было столько уязвимости, что у Даниэля сжалось горло. Ему до безумия захотелось успокоить её — не

фривольной шуткой, а настоящим, живым жестом. Накрыть её дрожащую ладонь своей, почувствовать её тепло.

— Агния, послушайте меня, — произнёс он мягко, но твёрдо. — Я не знаю, как это работает. Я архитектор, а не физик-ядерщик. Но я прямо сейчас смотрю на календарь на своей стене. На нём написано: 5 июля 2021 года. За окном тридцать градусов жары. На мне нет куртки. И если вы назовёте меня сумасшедшим, я не обижусь, потому что сам чувствую себя именно так.

На той стороне раздался глубокий, судорожный вдох.

— Хорошо... — выдохнула Агния. В её тоне прорезалась профессиональная собранность радиоведущей, пытающейся взять себя в руки. — Давайте проверим. Проверим факты. Что прямо сейчас происходит у вас за окном? Назовите какое-нибудь заметное событие.

Даниэль задумался, разглядывая ночной город с высоты мансарды.

— Строительство, — осенило его. — Главная стройка нашего района. Прямо из моего окна виден мост через реку. Его только начали возводить. Готовы только две бетонные опоры, на них горят красные сигнальные огни для барж. Всю ночь шумят сваи.

— Мост... — шепотом повторила Агния. На той стороне зашуршала одежда — похоже, она подошла к панорамному окну своей студии на тринадцатом этаже. Зависла длинная пауза. Затем её голос донёсся совсем тихо, почти невесо-

мо: — Мост Свободы. Он построен, Даниэль. По нему прямо сейчас едут машины. У него четыре полосы, арка с синей подсветкой и трамвайные пути по центру. Его открыли... три года назад.

Даниэль замер, сжав микрофон так, что побелели костяшки.

Мост Свободы. Это было именно то название, которое утвердили в проекте всего неделю назад! Об этом знали только архитекторы и городская администрация.

— Боже мой... — выдохнул он.

— Назовите ещё что-нибудь, — в голосе Агнии нарастала паника. — Что-то мелкое! Что-то, что нельзя угадать из новостей!

Даниэль метался взглядом по своей комнате, пока его взор не упал на подоконник.

— На углу Покровки и Чистопрудного бульвара есть старая букинистическая лавка, — быстро заговорил он. — Владелец — дед в круглых очках, дядя Коля. У него над дверью висит тяжёлый латунный колокольчик с трещиной. Каждое утро он выносит на улицу деревянный стеллаж с уценёнными книгами по пятьдесят рублей.

Агния молчала долго. Так долго, что Даниэль начал слышать, как тихо тикают его настенные часы.

— Дядя Коля умер два года назад, — наконец произнесла она. Голос её вибрировал от подступающих слёз. — В двадцать четвёртом. Лавку закрыли. На её месте сейчас сетевая

кофейня. Но... колокольчик с трещиной хозяйка кофейни оставила. Он до сих пор висит над дверью. Я... я покупаю там раф каждое утро перед сном.

Слова потонули в сухом треске эфира.

Отрицать очевидное больше было невозможно. Они не просто говорили по радио. Они пробили брешь во времени длиной в пять лет.

Даниэль медленно откинулся на спинку кресла. Его сердце колотилось где-то в горле. Страх и дикий, оглушительный восторг смешались в единый коктейль. Это было безумие, но это безумие обладало самым невероятным голосом, который он когда-либо слышал.

— Агния... — тихо позвал он.

— Да?

— Вы верите мне?

— Я... я не знаю, во что я верю, Даниэль, — честно ответила она. — Мой разум говорит, что я сошла с ума после тяжёлого года. Что я сплю. Но... я чувствую, что вы настоящий.

— Я настоящий, — он закрыл глаза, представляя, как её голос обволакивает его в этой полутёмной комнате.

В этот момент он с почти пугающей отчётливостью понял, насколько сильно он был одинок все эти годы. Голос этой женщины из будущего проник под его кожу глубже, чем любые реальные прикосновения за последний год. Он вообразил, как она стоит у окна своей студии в 2026 году — одна,

среди холодного ноябрьского дождя. Ему непреодолимо захотелось оказаться там, за её спиной. Обнять её за талию, притянуть к себе, ощутить тепло её спины и уткнуться носом в изгиб шеи, шепча прямо в кожу: «Я здесь. Мы оба не сумасшедшие». Фантазия была настолько яркой, что внизу живота отозвалось тяжёлым, сладким жаром.

— Агния, — перевёл он дыхание, сдерживая изменившийся тон. — Который час у вас?

— 02:25, — отозвалась она.

— И у меня 02:25. Время идёт одинаково. Значит... мы связываемся в реальном времени, просто с разницей в пять лет.

— Что мы будем делать? — спросила она. В её голосе больше не было паники. Осталось лишь чистое, обнажённое изумление перед лицом чуда.

Даниэль улыбнулся в темноту, крутя в пальцах латунный тумблер радиостанции.

— То же, что и сейчас. Говорить. Завтра в два ночи... вы придёте к приёмнику?

На той стороне повисла короткая пауза.

— Приду, — тихо, но абсолютно убеждённо ответила Агния. — Я буду ждать тебя на 104.2 FM, Даниэль.

— Тогда до завтра, ночная слушательница. И... не забудь накинуть шарф. У вас там всё-таки ноябрь.

В наушниках раздался её лёгкий, тихий смешок — первый настоящий смех, смывший остатки напряжения.

А затем радиоволна затонула в ровном, спокойном шуме эфира.

Конец третьей главы.

Глава 4. Первое притяжение

Следующие три дня Агния провела в затянувшейся неведомости. Днём — автопилот, поверхностное функционирование, попытки удержать связь с реальностью, которая вдруг стала казаться черно-белой и второстепенной. Ночь — единственное, ради чего стоило дышать.

Она покупала раф в сетевой кофейне на месте бывшей букинистической лавки, каждый раз надолго замирая перед тяжёлым латунным колокольчиком с трещиной и прислушиваясь к его тихому звону. Спала, свернувшись калачиком под шерстяным пледом. Готовила тексты к эфирам — механически, без прежнего перфекционизма. Но все её мысли, каждый натянутый нерв были сфокусированы на единственной цифре на настенных электронных часах студии: 02:00.

В ночной студии Костя пару раз подозрительно косился на неё через стекло звукорежиссёрской кабины, прищуриваясь:

— Рихтер, ты какая-то странная в последние дни. Глаза горят, пальцы в тумблерах путаются. Ты что, влюбилась?

— В работу, Кость, — отшучивалась она, скрывая непровольную дрожь в руках и спешно уводя взгляд.

Костя хмыкнул, покачал головой и больше не спрашивал — но, уходя в ту ночь, задержался в дверях на пару секунд дольше обычного, будто хотел что-то добавить. Агния сделала вид, что не заметила.

Едва стрелка часов переваливала за два ночи, едва гасло красное табло «В эфире», она оказывалась в углу полутёмной студии у старого «ВЭФ». Без проводов, без подключения к сети — ровно в 02:00 его тяжёлый деревянный корпус начинал тихо, уютно вибрировать ровным белым шумом, будто растопленная печь в прохладном доме.

— 104.2, приём... — раздавался из глубоких динамиков хрипловатый, живой голос Даниэля.

И с этого момента мир вокруг них рассыпался, оставляя только их двоих в крошечном оазисе тёплого аналогового звука.

18 ноября 2026 года / 8 июля 2021 года. 02:15.

— Знаешь, в чём главный плюс разговоров с человеком из будущего? — Голос Даниэля в наушниках шуршал мягкими, уютными помехами. На той стороне, в раскалённом июльском 2021-м, с шумным всплеском звякнул лёд в стакане с водой. — Тебе абсолютно не нужно пытаться произвести на него впечатление. Ты всё равно уже знаешь, какие кафе откроются на месте моих любимых руин и кто выиграет чемпионат мира.

Агния сидела прямо на холодном линолеуме студии, прижавшись спиной к полированному боку деревянного стеллажа и поджав колени к груди. В помещении горела лишь одна настольная лампа под зелёным абажуром, заливая комнату густым янтарным светом. За огромным панорамным окном тринадцатого этажа ноябрьский дождь превращался в злую,

мокрую крупу, облепляющую стекло.

— Я не проверяю спортивные результаты, Даниэль, — тихо ухмыльнулась она, медленно проводя подушечкой пальца по латунной ручке настройки приёмника. — И я не знаю всё. Я знаю только то, что произошло со мной.

— И что с тобой произошло, Агния? За пределами этой радиобудки?

Вопрос завис в воздухе, смешавшись с ровным шипением статики. Он был задан без любопытства, без нажима — с той особой, глубокой нежностью, от которой у Агнии перехватило дыхание. В её настоящей жизни люди давно перестали спрашивать, что с ней произошло. Друзья деликатно избегали темы развода, чтобы «не бередить раны», а случайные знакомые и коллеги ограничивались дежурным «как ты?».

— Я потеряла себя, — честно выдохнула она в темноту. — Год назад. Я искренне думала, что мы строим дом, а оказалось — строили лишь гипсокартонные декорации для чужого спектакля. Бывший муж просто... перешагнул через меня и пошёл дальше. А я осталась стоять на том же месте. В пустой комнате. Пока не услышала тебя.

На той стороне эфира наступила глубокая, почти осязаемая тишина. Даниэль не перебивал. На секунду Агния услышала, как он глубоко вздохнул — так близко и отчётливо, словно его губы находились в сантиметре от её ушной раковины.

— Он дурак, — произнёс Даниэль. Голос его стал ниже,

плотнее, полностью утратив привычную лёгкую иронию. — Предельный, законченный дурак.

— Ты даже не знаешь его, — слабо улыбнулась она, прикрыв глаза.

— Мне не нужно его знать. Я слышу тебя, — чеканно отчеканил он каждое слово. — Я слышу, как ты делаешь паузы между фразами. Как меняется твоё дыхание, когда ты задумываешься. Тот, кто, имея возможность слушать тебя каждый день, выбрал уйти — ничего не понимает ни в людях, ни в жизни.

Агния зажмурилась, почувствовав, как к горлу подступает горячий комок. Слышать такие слова от мужчины, которого она никогда не видела и, скорее всего, никогда не сможет обнять, было почти физически больно. Это отзывалось в груди нежным, трепетным током.

В это же время в июле 2021 года Даниэль сидел в полутьме своей мансарды, вытянув длинные ноги и откинув голову на мягкую спинку кресла. На нём была только расстёгнутая льняная рубашка. Старый вентилятор под потолком лениво гонял душный ночной воздух, но жарко ему было совсем по другой причине.

Он сжимал прохладный металлический корпус микрофона и закрывал глаза, полностью отдаваясь бархатному, гипнотическому звучанию её голоса.

Его накрыло волной такого острого, голодного желания, от которого внутри всё сжалось в тугой узел. Ему до ломо-

ты в ладонях, до глухого спазма где-то под диафрагмой захотелось оказаться там, в её 2026 году. Взять и разрушить эту чёртову стену из пяти лет и сотен километров. Войти в её полутёмную студию, поднять её с холодного пола и прижать к себе — крепко, до хруста, чтобы она почувствовала, насколько она живая.

Он воображал, как его горячие ладони легли бы на её талию под плотный свитер — ощущая сумасшедший, рваный ритм её пульса и шелковистую теплоту обнажённой кожи. Как он медленно распустил бы её тёмно-каштановые волосы, путая в них пальцы, заставляя откинуть голову назад, и целовал бы её губы — сначала осторожно, пробуя на вкус их дрожь, а затем глубоко, властно, до звона в ушах, выпивая тот самый хриплый, рваный вдох, который она делает перед каждой фразой.

Но между ними был только пластик наушников и тихий, бездушный гул статики.

— Даниэль? — её голос пробился сквозь его плотные, чувственные фантазии, отзываясь тяжёлым, сладким жаром где-то внизу живота. — Ты молчишь. Я сказала что-то не то?

— Я... я просто представлял, — выдохнул он, с трудом переводя дыхание и пытаясь вернуть голосу прежнюю ровность. — Представлял, как ты сидишь там. На полу. В полутьме.

— И как? — тихо, с едва уловимой, невероятно интимной кокетливой ноткой спросила она.

— Красиво, — ответил он искренне, с плотной хрипотцой в голосе. — До невыносимости красиво, Агния. Скажи... какие у тебя волосы? Ты носишь каре? Или длинные?

— Длинные, — шепнула она в динамик, и ему показалось, что она сама в этот момент провела рукой по своей шее. — До лопаток. Тёмно-каштановые.

— Я так и знал, — Даниэль закрыл лицо ладонью, гася нарастающий жар и пытаясь совладать с собственным ответом. — Завтра в два?

— Завтра в два, — отозвалась Агния. — И... Даниэль?

— Да?

— Спасибо, что ты не пропадаешь.

— Я не пропаду, — отчеканил он твёрдо. — Даже если для этого мне придётся переписать пару законов физики.

Шёл третий день их ночных встреч. И оба они уже чётко понимали: происходящее давно переросло рамки научной аномалии. Это становилось единственной причиной, ради которой стоило просыпаться и доживать до ночи.

Конец четвёртой главы.

АКТ II. Анатомия невидимой страсти (Главы 5–8)

Глава 5. Свидания сквозь время

К концу первой недели их ночного радиоэфира граница между 2021 и 2026 годами окончательно истончилась, превратившись в прозрачную, почти невидимую плёнку.

Они больше не тратили время на бессмысленные проверки дат, попытки разгадать физику аномалии или поиски логических объяснений. Время перестало быть для них врагом или жуткой загадкой — оно превратилось в их личное, потайное пространство, спрятанное от всего мира. Каждую ночь, когда огромный мегаполис затихал и засыпал, двое на списанной частоте 104.2 FM устраивали себе настоящие свидания.

Первое из них случилось в Ботаническом саду.

20 ноября 2026 года / 10 июля 2021 года. 02:05.

— Сегодня я хочу пригласить тебя на прогулку, — голос Даниэля звучал мягко, но в нём угадывалась тщательно скрываемая мальчишеская гордость от собственной затеи. — Ты ведь знаешь старый Ботанический сад? Тот, что у Останкино?

— Знаю, конечно, — Агния устроилась в кресле, подбрав под себя ноги и прижав наушники ладонями, будто боялась упустить хоть слово. — Я не была там сто лет. С детства, кажется.

— Отлично. Тогда выходим прямо сейчас. Ты — из своей студии, я — из своей мансарды. Встречаемся у центрального входа через пятнадцать минут.

— Даниэль, — она тихо рассмеялась, — ты понимаешь, что я не могу с тобой встретиться? Физически?

— А кто сказал, что нам нужна физика? — парировал он. — Просто сделай, как я говорю. Соберись, выйди, возьми такси. Я тоже выхожу. В два двадцать будь на месте. И не забудь надеть тот самый шарф, который я тебе советовал.

В 02:20 Агния стояла у кованых ворот Ботанического сада. Ночной ноябрьский воздух обжигал щёки, под ногами хрустела замёрзшая листва, а над головой, сквозь рваные тучи, проглядывала ледяная луна. Сад был закрыт, но калитка для сотрудников оказалась приоткрыта — то ли случайность, то ли маленькое чудо, в которое она уже почти научилась верить.

Она прошла по пустой аллее к старой дубовой скамейке у пруда, той самой, которую помнила ещё по студенческим годам. Села, закуталась в шарф и включила маленький портативный приёмник — старую «Спидолу», которую накануне купила на радиорынке, чтобы быть с ним даже вне студии.

В наушниках раздался знакомый шорох статики, а затем

— его голос, запыхавшийся, но счастливый.

— Я на месте. Сижу на нашей скамейке. У пруда.

Агния оглядела пустую аллею. На скамейке никого не было — только она и тёмная гладь воды, подёрнутая первым, ещё прозрачным ледком.

— Я тоже на ней сижу, Даниэль. Прямо сейчас. И здесь совершенно пусто.

— А у меня вокруг — июль, — в его голосе зазвучала та особая, мягкая интонация, с которой он всегда начинал их воображаемые прогулки. — Пруд цветёт. В воздухе пахнет липовым мёдом и скошенной травой. Над водой — стрекозы. Прямо передо мной, метрах в трёх — огромный куст цветущей сакуры. Лепестки падают в воду медленно-медленно, как розовый снег. Это невыносимо красиво, Агния. Я хочу, чтобы ты это видела.

Она закрыла глаза.

— Я вижу, Даниэль. Честное слово — вижу.

И это было правдой. Его слова рисовали картину с такой отчётливостью, что ноябрьская стужа на мгновение отступила. Агния почти физически ощутила на лице тёплый июльский ветер, услышала гудение пчёл, увидела, как розовые лепестки кружатся над зелёной водой.

— Я сижу на нашем конце скамейки, — продолжал он, понижая голос до интимного полутона. — Слева. Если ты сидишь справа — между нами сейчас не больше полуметра. Я мог бы дотянуться до твоей руки. Просто протянуть ла-

донь и накрыть твои пальцы.

Агния медленно, не открывая глаз, положила ладонь на холодное дерево скамейки справа от себя.

— Я чувствую тебя, — прошептала она.

И в этот миг ей действительно показалось, что дерево под её ладонью стало чуть теплее — будто с той стороны временного разрыва его ладонь легла на то же самое место.

Два дня спустя они отправились на Покровку.

22 ноября 2026 года / 12 июля 2021 года. 02:10.

— Закрой глаза, — шепнул Даниэль в микрофон. Его голос пробился сквозь мягкий шелест статики — чистый, тёплый, близкий.

— Уже, — отозвалась Агния.

Она лежала на узком кожаном диванчике в углу студии, подложив согнутый локоть под голову и прижав к самому уху тяжёлый деревянный корпус «ВЭФа». В помещении пахло остывшим кофе и сухим озоном от работающего оборудования.

— Представь: мы с тобой идём по Покровке, — медленно, словно вырисовывая кистью каждую деталь, заговорил Даниэль. — Июль. Час ночи. Воздух такой густой, плотный и тёплый, что его, кажется, можно черпать ладонями, как воду. Старый асфальт всё ещё отдаёт накопленное за день солнце. На мне мятая льняная рубашка, ты — в лёгком струящемся платье. У тебя босые ноги, потому что ты натёрла пятки жёсткими босоножками и бросила их мне в сумку. Ты идёшь,

касаясь пальцами ног прохладных каменных плит, и хохочешь.

Агния тихо улыбнулась, не открывая глаз. От его слов по коже — от затылка до самых кончиков пальцев — пробежала сладостная, щекочущая волна мурашек.

— И куда мы идём? — спросила она, подаваясь чуть ближе к динамике.

— К «Лакомке». Там, на углу. Помнишь её? Она ещё открыта, из двустворчатых деревянных дверей пахнет ванилью, подгоревшим сахаром, сливочным кремом и свежей выпечкой. Я покупаю нам два фисташковых мороженых в бумажных стаканчиках и с деревянными лопаточками. Мы садимся на гранитный парапет выключенного фонтана, смеёмся над какой-то невероятной глупостью, и я... я слизываю растаявшую каплю мороженого с твоей верхней губы...

Голос Даниэля на этих словах сорвался, опустившись до совсем низкого, грудного, почти осязаемого шёпота.

Агния закусила губу, чувствуя, как частые удары сердца отдаются прямо в висках. Фантазия была настолько осязаемой, кинестетической, что она почти физически почувствовала прохладную сливочную сладость на губах и сухое, горячее, чуть шершавое прикосновение его языка. Внизу живота сладко и тяжело потянуло.

— Даниэль... — выдохнула она в темноту.

— М-м?

— «Лакомку» снесли в двадцать третьем, — тихо, с горь-

коватой, грустной нежностью произнесла она. — Там сейчас очередной обезличенный салон связи с белым кафелем.

— Чёрт с ним, с салоном связи, — хрипло отозвался он на той стороне эфира. — Главное — в моей реальности она всё ещё стоит. И мы сидим там на парапете. Прямо сейчас. Я держу тебя за руку, Агния. Твои пальцы прохладные, а ладонь узкая, изящная. Я медленно перебираю твои пальцы... вот так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.